

«потружением» Киприана канон направлен «на поганья», т. е. против врагов, исповедующих иную веру, причем такое заострение названия было сделано, надо думать, самим переводчиком: хотя на греческом языке этот канон до нас не дошел, о его оригинальном названии мы можем судить по тому, что сохранившаяся дополняющая его молитва, которая должна быть с ним одноименной и которая тоже озаглавлена в переводе «на поганья», называется по-гречески более широко: *κατὰ πόλεμον* — против врагов.

Вообще тема «поганых», мольба отвратить их, знакома русской гимнографии еще с домонгольского периода. Так, в каноне Борису и Глебу есть слова: «поганых уставяеши шатание» (V.4), «уставяюща болезни и поганых шатание» (IX.2),⁶⁰ а в каноне службы перенесению мощей св. Николая — «спасай ны от поганых нахождения».⁶¹ Однако же такое тревожное посвящение этой теме целой службы не имело прецедентов и в условиях последней четверти XIV в., в условиях первого «розмирья» Руси с татарами должно было особенно остро, публицистично восприниматься слушателями. Настоящая публицистика всегда требует мужества.

На Руси в 70-е, 80-е годы XIV в. почти не прекращались «усобные брани» великих князей, а у Филофея всё полно молитвами о прекращении «разделения». Дмитрий Иванович Московский старался организовать на контролируемой им территории митрополию Великой Руси, уничтожив тем самым митрополию всея Руси, а те, кто пел Филофеевы тексты, молились о церковном мире и единстве. Вообще в этих текстах, сто́ит их применить к Руси XIV в., оказывается ясно выраженной вся программа, которой так стойко следовал в своей бесконечной борьбе с обособленцами мало- и великороссами митрополит Киприан. Противодействуя Киприану, великий князь Дмитрий Иванович весьма резко отзывался, наконец, и о самом нашем авторе, поставившем Киприана в митрополиты всея Руси, — о патриархе Филофее Коккине.⁶² Можно, таким образом, думать, что молитвословная поэзия Филофея была на Руси первоначально весьма «политична», а при великом князе Дмитрие Ивановиче — и одиозна. Но отношение к ней должно было измениться (по крайней мере, на некоторое время) незадолго перед Куликовской битвой — после решения князя принять митрополитом в Москву Киприана.

Каноны и молитвы Филофея (например, «За князя и за люди, егда исходити из града противу ратным»), наверное, звучали осенью 1380 г., когда князь Дмитрий Иванович шел с войсками против армии Мамай. Их, можно думать, судя по летописным данным, пели пятнадцать лет спустя, когда к Москве приближался Темир-Аксак — Тамерлан.⁶³

Вообще последняя четверть XIV и первые годы XV в., пока жил и действовал митрополит Киприан, были, по-видимому, временем самого активного усвоения Русью творений патриарха Филофея (не только гим-

⁶⁰ См.: Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, 2-я половина. М., 1904, стр. 511 и 512.

⁶¹ Ф. Г. Спасский. Русское литургическое творчество, стр. 50.

⁶² РИБ, т. VI, № 20, стлб. 185.

⁶³ Согласно Московскому летописному своду конца XV в., митрополит Киприан и великий князь Василий Дмитриевич, решив перенести в Москву знаменитую Владимирскую икону и обратиться с мольбами к богородице, рассуждали таким образом: «Сия бо избавляет вся христианы от глада и от пагубы, от труса и потопа, от огня и меча, и от нахождения поганых, и от нападения иноплеменик, и от нашествия ратных, и от межусобных рати, и от напрасныя смерти, и от всякого зла...» (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 233). В этом перечислении узнаются названия многих канонов и молитв Филофея, списки которых восходят к концу XIV в.